

Александр Амурчик

Зри в корень. Zelo

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 8

Александр Амурчик

**Зри в корень. Zelo. Цикл
«Прутский Декамерон». Книга 8**

«Издательские решения»

Амурчик А.

Зри в корень. Zelo. Цикл «Прутский Декамерон». Книга 8 /
А. Амурчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838411-0

Кажется, что это незатейливые истории сексуальной самореализации юноши в псевдопуританском социалистическом обществе. Но вчитайтесь — и вы обнаружите, что это острые горькие книги о сочувствии ближнему и естественных радостях бытия. В стране, где высшим достоинством представляется сила, высшей добродетелью — деньги, а высшим духовным взлётом — половой акт, дети рождаются от случайного зачатия и, вырастая, продолжают унылый порочный круг. Автор нашёл в себе силы выйти за пределы этого круга.

ISBN 978-5-44-838411-0

© Амурчик А.
© Издательские решения

Содержание

Новелла первая. Последняя остановка	6
Новелла вторая. Придурок	9
Новелла третья. Жена друга	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Зри в корень. Zelo

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 8

Александр Амурчик

*Любые совпадения имен и событий, описанные в этой книге,
случайны.*

© Александр Амурчик, 2017

ISBN 978-5-4483-8411-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла первая. Последняя остановка

Коктейль «Джин-тоник».

Состав:

джин – 100 мл;

тоник – 200 мл;

кружок лимона – 1 штука;

лед – треть бокала.

Приготовление: в бокал со льдом налить джин, затем тоник и положить кружок лимона. Пить через трубочку.

*Отнюдь я не был манекен,
однако не был и в балете;
я тот никто, кто был никем,
и очень был доволен этим.*

И. Губерман

Еду я как-то раз автобусом домой, возвращаюсь с тренировки. Вот уже который год я занимаюсь карате, и тренер у меня не кто-нибудь, а чемпион войск КГБ СССР, мастер спорта по самбо и дзюдо, обладатель черного пояса по карате, товарищ Иван М-ий. Я сижу в расслабленной позе, глаза полузакрыты, нагрузочки сегодня были – будь-будь; отдыхаю. Четыре с минутами пополудни, август месяц, удушающая жара, самое знойное в наших краях время года. Автобус ЛАЗ, который советские граждане справедливо называют пылесосом за то, что пыль из-под его же колес и выхлопные газы почему-то всегда оказываются внутри автобуса, скрежеща на каждой неровности дороги своими старыми разболтанными железками и натужно гудя двигателем, который за свою жизнь многократно проходил капитальный ремонт, неторопливо следует по маршруту №2, направлением «консервный завод – старый рынок». Народу в автобусе не очень много, но все сидячие места заняты. Я, войдя на остановке «совхоз-техникум», неподалеку от которой расположен наш спортивный зал, тут же взгромоздился на единственное свободное сиденье, устроенное над задним правым колесом у заднего входа, которое обычно занимает кондуктор.

Сама же кондуктор – толстая цыганка, хорошо знакомая постоянным пассажирам, так как работает она в этой ипостаси уже много лет, неторопливо проходя по салону и попутно обилечивая пассажиров с прикриком: «передач на билетеле, граждане пассажирь», что являлось абсолютной несурезицей смеси русского и молдавского языков, остановилась рядом с водителем и стала ему что-то увлеченно рассказывать.

Большинство пассажиров автобуса – молодёжь: юноши и девушки в зеленой форме строительных отрядов, студенты из Татарии. Они, закончив первую смену на консервном заводе в 16.00, возвращаются в свой студенческий городок.

С первых же секунд моего появления в автобусе, на заднем сиденье, где расположены в ряд пять посадочных мест, был слышен галдеж, тон которого по мере движения только повышался. Он и она, мужчина и женщина – парочка возрастом между тридцатью и сорока, точнее определить трудно, так как лица обоих измождены похмельным синдромом и, кроме того, местами покрыты синяками, не обращая внимания на окружающих о чем-то увлеченно спорили, жестикулируя и щедро пересыпая свою речь бранными выражениями. Оба, как говорится в таких случаях, прилично, а на мой взгляд, просто неприлично пьяны. Не настолько, чтобы не держаться на ногах, но, если судить по разговору и жестам, вполне в кондиции. В какой-то момент, женщина, схватив своего партнера за руку, что-то быстро-быстро ему говорит,

видимо, упрекает в чем-то, а тот, очевидно не найдя словесных аргументов, вырывает свою руку, широко размахивается и закатывает ей пощечину. За первой следуют другие пощечины, которые, однако, судя по их силе, несут в себе, в большей степени, чем удары, воспитательную нагрузку: а вот не перечь ты, баба, мужику, знай свое место и уж, тем более, не смей ему рот затыкать. Студенты – ребята и девушки, сидящие поблизости от них, начинают громко вслух возмущаться:

«Как это так, мужчина бьет женщину?!», «Это неслыханно!», «Посмотрите, люди, какое безобразие!» Студентам, приехавшим к нам в Молдавию, в небольшой пограничный городок, из культурной и благовоспитанной Казани, видимо нечасто приходится наблюдать у себя дома подобные картины, которые в наших краях считаются чуть ли не нормой.

Наконец, один из парней-студентов не выдерживает, встает и обращается к пьяному мужику:

– Простите, мужчина, не знаю вашего имени, вы не могли бы вести себя...

Мужик, всем корпусом поворачиваясь в его сторону, отвечает, не дав тому договорить:

– А раз не знаешь, как меня зовут, так и пошел на х*й...!

«Ха-ха-ха!» – тут же ухохатывается его товарка, однако мгновением позднее давится смехом, так как очередная оплеуха отбрасывает ее на спинку сиденья. Надо сказать, что мужик понемногу входит во вкус, и его оплеухи раз от раза становятся все точнее и увесистее.

– Мужчина, прекратите сейчас же! – не удерживается от замечания его соседка справа, девушка лет 17, – и как только у вас язык на такое поворачивается?

– А ты, когда х*й... в рот берешь, у тебя язык поворачивается? – весело отвечает тот соседке, и та, шокированная, замолкает.

– Мужчина, в конце концов, как вам не стыдно?! – вскакивая со своего места, восклицает другая девушка, лицо ее покрывается краской.

– Стыдно, когда у тебя между ног видно! – тычет ей в область живота грязным пальцем уже вконец распоясавшийся мужик. Затем, продолжая движение, он указывает им на меня: – А ты чего лыбишься, рыжий?

Мое до сих пор благодушное и расслабленное состояние мгновенно переключается на боевое.

– Ну-ка ты, придурок, рот свой наконец прикрой! – говорю я, вставая со своего места и делая шаг по направлению к мужику.

Состроив зверскую физиономию, тот, невзирая на то, что между нами еще целых два метра, принимается молотить в воздухе кулаками, словно мельница, он явно рвется в бой, но его товарка, протянув руку, почему-то с легкостью удерживает его на месте.

Тем временем наш автобус подкатывает к очередной остановке; пшикнув воздухом, половинки двери отворяются, впустив внутрь небольшое пыльное облачко.

Пользуясь моментом, я шагаю вперед, хватаю мужика за рукав пиджака, сдергиваю его с места и, по ходу, продолжая начатое движение, вышвыриваю из автобуса. Тот, минув ступени, приземляется на асфальт животом, будто большая лягушка. Но падает, надо сказать, довольно удачно, что удается обычно только пьяным. Неожиданно его товарка, которая, казалось бы, должна радоваться такому повороту дел, вскакивает со своего места и, визжа, словно дикая кошка, бросается на меня. Мельтеша руками словно мельница крыльями, она норовит попасть мне ногтями в лицо. Кстати, это и есть один из приемов карате, только она об этом не знает. Однако многолетняя тренированность позволяет мне легко увернуться от её ударов, и мне ничего не остается, как, перехватив ее руку, вышвырнуть женщину вслед за ее партнером.

Когда автобус тронулся, все увидели пару скандалистов, лежащих в придорожной пыли, в бессильной ярости размахивающих руками и ногами.

А уже в следующее мгновение на меня со всех сторон посыпались упреки попутчиков... Смысл их сводился к тому, что я, по их мнению, должен был сделать то, что сделал, гораздо раньше, в самом начале этой истории.

– Но как же... – в смущении развел я руками, – тут вокруг столько парней не сумели его уговорить, а теперь вы все на меня навалились...

Короче, на следующей остановке, несмотря на то, что до нужной мне оставалось ехать еще целых две, я сошел и пошел домой пешком. Себе дороже.

Новелла вторая. Придурок

Коктейль «Бронкс»

Состав:

джин – 20 мл;

вермут rosso – 10 мл;

сухой вермут – 10 мл;

апельсиновый сок – 20 мл.

Приготовление: положить в шейкер кубики льда и все остальные ингредиенты, несколько раз встряхнуть, затем перелить в бокал для коктейлей.

*Брожу ли я по уличному шуму,
ем кашу или моюсь по субботам,
я вдумчиво обдумываю думу:
за что меня считают идиотом.
И. Губерман.*

Жил-был в нашем городе человек, имени которого практически никто не знал, так как все – и стар и млад – называли его придурком.

Высокий – за метр восемьдесят, худощавый, нескладный, головка маленькая, на которой выделялся лишь огромный нос, руки же у него были длиннющие, огромные кисти спускались ниже колен. Ходил он всегда согбившись и чуть наклонившись вперед, свои руки – худые, но с широченными костями, – он держал как горилла, в стороны, при этом лицо его никогда не покидала жалостливая, просящая улыбка. Говорил он редко, скороговоркой, при этом абсолютно невнятно, а по большей части от него можно было слышать лишь: гы, гы, гы-гы. Короче, несчастный человек, что и говорить.

Работал Николай – это было его имя – в городском торге грузчиком. А конкретно – в овощном магазине, расположенном на рынке. Силы он был непомерной, поэтому успевал делать свою основную работу, да еще помогать в трех небольших магазинчиках, что располагались с овощным по-соседству. При этом он и частникам в помощи не отказывал, а те его в благодарность за это подкармливали. Я знал Николая никак не меньше десяти лет, и за это время он, казалось, совсем не изменился, при этом на вид ему нельзя было дать больше тридцати пяти.

История, о которой я хочу рассказать, случилась в один из обычных дней, когда рынок уже закрывался, так как было почти два часа пополудни. В небольшом буфете, расположенном в самом центре рынка, в котором торговали спиртными напитками на розлив, в тот день хозяйничала буфетчица Маша – молодая еще, немногим за тридцать, но уже сильно располневшая с крупным красным лицом женщина. Буфет этот, принадлежавший общепиту, размером напоминавший небольшую комнатуху, работавший с 6.00 утра до 14.00, имел огромный оборот и давал выручку, сопоставимую с выручкой ресторана, в котором трудилось около пятидесяти человек. Что и неудивительно: на рынке ежедневно производились десятки и сотни финансовых гешефтов, которые тут же и «обмывались»: при этом выпивали представители обеих сторон. Естественно, при таком обороте через руки буфетчицы проходило множество товара, в основном, конечно, это была водка и вино разливное, сопровождавшееся нехитрой закуской – пирожками, бутербродами и прочее.

Мы с товарищем находились рядом со входом в буфет, где размещалась парочка небольших круглых столиков, за которыми можно было обслуживаться только стоя. Всего несколько минут назад мы здесь выпили по сто граммов коньяка, закусили конфеткой, после чего заку-

рили и разговорились. Маша тем временем суежилась в буфете, мы то и дело слышали звуки передвигаемых ящиков. Готовя работу на следующий день, Маша должна была спустить в подсобку, находившуюся в подвале, ящиков пятнадцать тары и столько же примерно вытащить оттуда полных.

Выйдя на улицу и поискав глазами Николая, который всегда ей помогал, Маша обнаружила его стоящим у соседнего прилавка и поедающим арбузную дольку. Ласково улыбнувшись, она позвала его, тот закивал понятиливо, бросил обглоданную корку в мусорный контейнер и поспешил к ней.

– Коленька, надо ящики вниз снести, – ласково сказала ему Маша, когда Николай подошел.

– Ы-гы, – промычал Николай и вошел внутрь буфета. Прямо в центре помещения находился квадратный люк, через который можно было спуститься в подвал. Николай отвалил его в сторону и, придвинув всю тару к открывшемуся отверстию, полез вниз. Подвал этот, следует отметить, был весьма примечательный – большой, емкий, площадью не менее пятидесяти метров, то есть вчетверо больше самого буфета и высокий; одно неудобство – лестница, ведущая вниз, была крутой. В этом подвале, я сам видел, в одном из отдаленных углов стояло несколько ящиков водки ценой еще по 3.62, которой уже ни в какой другой точке общепита нельзя было сыскать, так как цены с того времени – год 1981 – скакнули вверх, до 5.30, а на дворе уже стоял 1983; и всего пару дней тому назад в торговлю поступила «Андроповка».

Звякнул засов на двери. Буфет закрылся, поняли мы. Что было дальше, я понял позднее, уже из объяснений самого Николая.

Пока он раскладывал тару внутри подвала, Маша тоже спустилась вниз и стала выставлять у лестницы полные ящики, предназначенные для завтрашней торговли. Подойдя к Николаю вплотную, Маша коснулась его рукой между ног и засмеялась:

– Говорят, Коленька, он у тебя такой большой, ты не хочешь мне его показать?

– Гы-гы, – стал возмущаться Коля, сердито махнув на нее рукой, однако Маша не отставала. Я рассказываю это потому, что неоднократно видел нечто подобное, причем на людях, да еще белым днем, когда нахальные девицы делали Николаю подобные непристойные предложения. Николай все отмахивался от настырной бесстыдницы, но Маша, уловившись, сдернула с него штаны, в результате чего обнажился Колькин член. У Машки глаза полезли на лоб, такого она в своей жизни еще не видала, и тут же решила испробовать колькиного конца. Задрав юбку и спустив трусы, Машка схватила Колькин конец и притянула его к себе. Кольке, таким образом, ничего не оставалось делать как подчиниться, тем более что конец его мало-помалу затвердел и встал.

Мы с товарищем уже собрались уходить по своим делам, когда засов гроыхнув откатился и на улицу из буфета выскочил Николай. Яркое солнце ослепило его и он рукой закрыл глаза. Ясное дело, в подвале-то было темно. Затем он подбежал к нам и схватил меня за руку.

– Гы, гы, там, там... – с трудом различил я, а Коля тем временем все тыкал ладошкой в сторону буфета. Я нехотя подошел к двери; мой товарищ, Василий, последовал за мной. «Наверно, Машка попросила помочь ей», – подумал я, однако Николай, вбежав следом, стал показывать на открытый люк подвала. Сделав товарищу знак подождать, я нехотя полез вниз. Вначале я почти ничего не увидел, так как на весь подвал была всего одна слабосильная лампочка. Затем стал различать стеллажи, ряды ящиков, и, наконец, заметил среди ящиков что-то белеющее. Шагнув вперед, я понял что это была задница, обыкновенная женская задница, только очень большая, выглядевшая в этом подвале несколько странно. Секундой позже я сообразил что задница принадлежит Машке, которая неподвижно лежала животом на ящиках. Я окликнул ее, но Машка даже не пошевелилась. Я испугался. «Убил ведь Кольку бабу», – подумал я, не понимая лишь почему она голая.

– Василий, – крикнул я товарищу что было сил, – а ну волоки сюда этого придурка, Кольку.

Несколькими секундами позже они присоединились ко мне.

– Что ты с ней сделал? – строго спросил я Кольку.

– А-бы-бы-ны-ны... – затараторил Колька, тыча пальцем в обнаженную задницу, затем показывая на свои брюки. Мы с Василием в полной растерянности уставились друг на друга.

– Так ты ее трахнул, что ли? – спросил я.

– Гы-гы-гы, – быстро закивал Колька.

– Так чего ж она не встает? – обернулся я к Василию. Тот посмотрел строго на Кольку и сказал:

– Ну-ка вытащи, покажи, – сказал он.

Колька отрицательно покачал головой, но Василий прикрикнул на него и тогда Колька спустил штаны. Да, такое можно было увидеть только в секс-фильме, да и то далеко не в каждом. В это время зашевелилась Машка, попа сдвинулась в сторону, зато показалась ее голова и уставилась на нас. Затем она перевела взгляд на Кольку, на его мужское достоинство, и тут она испуганно вскрикнула, затем мы услышали слово «Нет!»

– Боже, только не это! – вскричала она. – Ребята, уберите этого ишака отсюда. Он меня чуть не убил этим своим... Елда настоящая, а не хрен.

Новелла третья. Жена друга

«Леди Чаттерлей»

Состав:

джин – 30 мл;

ликер Кюрасо – 10 мл;

сухой вермут – 10 мл;

апельсиновый сок – 10 мл.

Приготовление: после смешивания в шейкере со льдом всё содержимое вылить в бокал на высокой ножке.

*Я долго жил как холостяк,
и быт мой был изрядно пуст,
хотя имел один пустяк:
свободы запах, цвет и вкус.
И. Губерман*

– Ну что, Кондрат, договорились, завтра я буду ждать тебя здесь, в ресторане, к половине первого? Я приду с женой и с этой... подругой ее, Ольгой. Ты тоже подходи, ну, будто бы случайно там оказался. Посидим, пообедаем, поговорим о том о сем, приглянись к ней, может и понравится тебе эта девочка. Если для брака, то я тебе скажу, что кандидатуру лучше трудно подобрать.

Мы с другом беседовали, удобно расположившись в мягких креслах фойе ресторана в так называемом уголке отдыха: между нами стоял невысокий курительный столик, рядом – пальмовое дерево в кадке; за нашими спинами во всю стену была картина из фотообоев с прекрасными альпийскими горными пейзажами.

– Девочка, – насмешливо хмыкнул Кондрат и, поёрзав в кресле, спросил уныло: – Ну что в них такого хорошего? А что хорошего именно в ней? – По голосу друга я понял, что он чувствует себя явно не в своей тарелке.

– То же самое что и в других бабах, – усмехнулся я и стал описывать: – Уже не бестолковая малолетка, всё-таки 23 года, хотя и выглядит на 18, внешне довольно привлекательная, не слишком избалована, что для нас, мужчин, немаловажно; домоседка, хозяйственная, хорошо готовит. Есть ещё плюсы: живёт в трехкомнатной квартире одна – родители давно на Севере и, по-моему, застряли там навсегда; в гараже машина простаивает, «жигуль» – конечно не новый и слегка ржавый, зато на ходу. Ключи, кстати, и от гаража и от машины у меня, так что если понравится друг другу, все это – машина, гараж, да и сама девушка тоже будет в твоих руках.

Кондрат на каждую мою фразу уныло качал головой.

– К тому же, – продолжал я, – Ольга – дама не разболтанная, на неё нет компромата, в данный период никто к ней не ходит и она по мужикам не болтается, так что и с этой стороны она в порядке, неприятностей и неожиданностей не жди, вот и займись ею, а заодно избавишься от своей Людки. И, друг мой, в конце концов, ты на ней жениться не обязан, повстречаетесь немного, приглядитесь к друг другу как взрослые люди, тогда и решайте сами что вам дальше делать: просто пожить вместе, расстаться друзьями, а может и пожениться, – при последних словах я непроизвольно ехидненько улыбнулся.

– Сам, значит, разводиться собираешься, а мне жениться предлагаешь? – кислым голосом спросил Кондрат, заметив мою улыбку. – Так разводишься и сам женишься на этой Оле, раз у неё столько достоинств.

– Ты же знаешь, – вздохнул я. – Я бы может и не против, но она лучшая подруга моей... и слишком её уважает. А то бы, поверь мне, махнул на всё рукой и точно бы... ещё разок головой в омут. Оляка, честно тебе скажу, классная девка, и гораздо более расположенная к семейной жизни, чем моя жена. И уж наверняка характером получше, поверь, мы ведь давно уже с ней дружим.

– Может быть, может быть... – вздохнул Кондрат. – Какого она говоришь, года рождения? Ага, видишь, на три года меня старше.

– Ну так и что, – рассмеялся я, – ты, вон, всех своих сверстников перегнал, и ростом и умом, и ещё кое-чем... – я подумал малость, после чего пояснил: – жизненным опытом, имеется в виду. Они ещё не все из армии вернулись, а ты уже год как барменом работаешь; Вовка Бухневский вон сколько лет главным механиком отработал, со всех сторон почёт и уважение имел, теперь вот тоже барменом трудится и ничего, доволен. Ну а если уж о девках говорить, то, согласись, Кондрат, 18—19-летние сегодня дуры все непробиваемые, а найдёшь себе девственницу, так и вовсе намаешься...

– Ну всё, понял я, – вздохнув прервал мои словоизлияния Кондрат. Он вытащил из кармана пачку «Мальборо», прилепил на губу сигарету, затем вынул из кармана фирменную золотистого цвета зажигалку с вензелями, неспешно прикурил, пустил струю дыма вверх и сказал: – Ну что, говоришь встречаемся завтра в половине первого?

– Угу, я тебя буду ждать, – кивнул я.

– Приду, – сказал он, после чего мы поднялись со своих мест и через минуту расстались.

На следующий день ровно в полдень я зашёл в районо и забрал с собой в ресторан свою жену Марту, работавшую секретаршей, а также её подругу Ольгу, работавшую там же машинисткой.

Дорогой мы болтали о всяких разных пустяках, избегая лишь темы знакомства – цели нашего сегодняшнего обеда.

– Ты пригласил на обед своего друга Кондрата? – спросила Марта, когда мы усаживались за столик.

– Пригласил, – ответил я оглядываясь по сторонам в поисках официантки. – Но на него не будем заказывать, а то я вижу, он не идёт, может, задержался по работе, а может, просто запаздывает.

Говоря это, я исподволь поглядывал на Ольгу, и, по некоторым признакам её поведения отметил, что она выказывает в связи с отсутствием Кондрата некоторое беспокойство, так как мы с ней заранее обговорили темы для их разговора за столом и т. д., а теперь девушка увидела вдруг, что предполагаемый кавалер на встречу с целью знакомства с ней не торопится.

Официантка Виктория, моя любимица (и любовница), обслужила нас оперативно, принесла салаты и первое – оливье и суп-харчо, и мы уже приступили к еде, когда я увидел идущего со стороны служебного входа Кондрата, но самое главное... следом за ним вышагивала его нынешняя любовница Людмила. При виде неё я невольно заскрежетал зубами: особа эта была мне несимпатична и в общении малоприятна. Если и можно было признать, что внешне Людмила сексапильна и где-то привлекательна, хотя привлекательность её была делом вкуса, то во всём остальном она была вызывающе вульгарна, начиная с одежды и заканчивая поведением. Жительница соседнего с нашим городом провинциального посёлка Вулканешты, дочь простых рабочих гагаузского, или, если хотите, турецкого происхождения, она, пожалуй, и не могла обладать хорошим вкусом, но в данном случае налицо были все признаки его полного отсутствия. Я верил Кондрату, когда он говорил мне что в постели она – огонь, допускал что ему неплохо с ней, – я бы и сам, признаться, при случае не прочь был бы завалить

её на кровать, – но чтобы вот так явиться в ресторан для знакомства с порядочной девушкой, и взять с собой эту сучку – тут я своего товарища не понимал.

– Привет всем, – поздоровался Кондрат, приблизившись и пожимая мне руку. – Извиняюсь что задержался, в кассе общепита была очередь.

– Присаживайтесь, – сказал я, оглядываясь в поисках официантки Виктории, чтобы дополнить наш заказ. – Ты, я вижу, сегодня со своей секретаршей, – пошутил я.

– Да вот встретились на улице случайно, – сказал Кондрат, пододвигая к столу ещё один стул и приглашая Людмилу присесть, – и девушка призналась мне, что голодна. Не бросишь же голодного человека на улице помирать.

– Ну да, сам бог велел протянуть страждущему корку хлеба, – поддержал его я, делая недовольную гримасу, обращенную исключительно к своему товарищу.

Официантка Виктория, расставляя на столе дополнительные тарелки и приборы, жадно и ревниво разглядывала мою жену, которую, как мне кажется, никогда прежде не видела, а я всё поглядывал на Ольгу, замечая, как она нервничая покусывает губы.

Тем не менее обед прошёл нормально, без эксцессов, Люда вела себя за столом скромно и помалкивала, Марта, к моему удивлению, тоже воздержалась от каких-либо замечаний, Ольгу же вообще не было слышно, и лишь я, изредка поглядывая на смущённого Кондрата, скалил зубы и как мог в одиночку веселил компанию. После обеда я проводил своих дам до парка, где Ольга, отозвав меня в сторонку, сказала со вздохом:

– Вот видишь, я не нравлюсь твоему другу.

– С чего это ты так решила? – усмехнулся я. – То, что он пришёл с этой дурочкой, просто ребячество, я бы даже сказал – страх. – Ольга удивлённо подняла на меня брови. – Да-да, страх оказаться один на один с приличной девушкой, то есть с тобой, парень попросту растерялся, это в нём детство в одном месте играет.

– А может у него с этой Людмилой серьёзно, – перебила меня Ольга.

Я посмотрел на неё с упрёком:

– На таких, как Люда, не женятся, это же любому ясно, стоит на неё только посмотреть.

– Да... пожалуй ты прав... – проговорила Ольга.

– А ты у нас, Олька, просто прелесть какая хорошенькая, это-то он, надеюсь, заметил. А может, он и не стоит тебя, – сказал я задумчиво.

– Ты знаешь, а он мне нравится, – стесняясь сказала Ольга и отвела в сторону глаза. – Ах, если бы я была красивая, как твоя жена, тогда бы на меня тоже все на улице оборачивались.

– А ты что, считаешь себя некрасивой? – удивился я.

– Ах, Савва, ты не понимаешь... Я просто симпатичная, а Марта – женщина по настоящему красивая.

– Так, хватит вам там трюндеть, ещё и моё имя поминать, – послышался голос моей милой, – Ольга, пошли, мы с тобой на работу опоздаем.

Я попрощался с женщинами и вернулся в ресторан, но не поднимаясь на второй этаж, заглянул вначале на первый, где располагался бар. Кондрат вместе с Людмилой сидел напротив бармена, перед ними стояли высокие стаканы с напитками, из которых торчали соломинки.

– Люд, сходи-ка ты в коридор покури, – сказал я, рукой за задницу сдвигая девушку с пуфика, – мне тут с твоим парнем поговорить необходимо.

Кондрат открыл было рот, но Люда, выудив из пачки лежавшей на стойке две сигареты, без слов отправилась на выход.

– Сдаюсь, – сказал Кондрат, поднимая вверх руки и провожая свою пассивку взглядом, – я больше так не буду.

– Уже поздно извиняться, – строго сказал я. – Я позвоню сейчас нашему грозному менту Банану, пусть твоей Людке оформит 24 часа, чтобы ее вышвырнули вон из нашего города за нарушение паспортного режима, и она больше в нашем районе даже проездом не появля-

лась, или же на недельку в КПЗ упрячет. Посидит там, может, поумнеет. И такой вариант ей не повредит.

– Не надо, – глухо пробубнил Кондрат.

– Есть еще вариант: отдай девушку мне на воспитание, и через неделю всё само собой успокоится, – пошутил я.

– Завтра... – проговорил Кондрат, – завтра я с ней попрощаюсь. Сегодня в последний раз... потом домой, на фиг, в Вулканешты отправлю.

– Ну, брат, ты и прикипел, мне аж завидно. Жаль только, что объект твоего вожделения не совсем неподходящий.

С того дня прошло несколько месяцев. Людмила пропала из нашего города. Кондрат с Ольгой таки встретились, пообщались наедине, поговорили о том о сём, затем стали встречаться. Долго ли, коротко, и вот, свершилось: они пригласили меня с супругой на свою свадьбу. Которую отмечали скромно, дома, в Ольгиной квартире. С Севера приехали ее родители, была также мама Кондрата – красивая моложавая женщина. Я впервые видел ее такой – возбуждённо-весёлой, она порхала радостно по комнатам и во все стороны излучала флюиды обаяния. И еще из хорошо знакомых мне был брат жениха Олежка с супругой. За столом кроме тех, кого я уже перечислил, сидели сплошь солидные, шикарно одетые люди возрастом от тридцати до пятидесяти, а рядом с женихом и невестой выделялись своим самоуверенным видом, а также шумным и слегка развязным поведением едва знакомые мне кумовья – совсем еще молодая пара. Кстати, нам с Мартой достались места на самом краю стола, что ближе к выходу.

Разговор за столом велся в основном о том, что эти самые кумовья собирались через полгода покинуть страну советов и отправиться на ПМЖ в Германию. Все за столом восхищались этой самой Германией, что было любопытно слышать, так как никто из присутствующих там не бывал. А тут кумовья, прилично подвыпив, на полном серьезе заявили, что они по приезде тут же станут готовить вызов в Германию нашим молодым, то есть Кондрату с Ольгой.

– Для свата, мне кажется, это не слишком почётное место, – шепнула мне Марта, усаживаясь на один из стульев, предназначенных нам и критически оглядывая гостей.

– Я удивляюсь, что нас вообще сюда пригласили, – признался я, передавая жениху конверт со стольником внутри (сто рублей).

Выпивка, закуски – всё здесь было по первому разряду; разнообразные рыбные деликатесы и икра, привезенные родителями жениха с Севера, соседствовали с простыми овощными блюдами местной кухни, которые были сытными и вкусными.

Закончилась свадьба. Через неделю Кондрат, пребывавший, как мне казалось, на вершине счастья, стал наконец замечать вокруг себя людей, включая и меня, грешного. А ещё через неделю родители Ольги вновь уехали на Север, намекнув, что квартиру и машину они оставляют молодым в подарок, только, мол, внуков нам парочку родите. А ещё спустя две недели Кондрат заявился ко мне домой и сказал:

– Ну что, брат, давай сходим разок налево, что ли.

– Бог с тобой, брат, – прошептал я удивлённо вытаращившись на своего друга. – С чего бы это? Моя жена в шоке оттого, что всё это время я ни разу на улицу не вышел, думает что медовый месяц в нашей семье повторяется и жизнь вот-вот пойдет по новому кругу... а ты...

– Ты что, не понимаешь? Жизнь эта семейная слишком пресная, не по мне она.

– Точно не по тебе? – переспросил я строго.

– Нет, не по мне, я это уже понял, – уныло проговорил мой товарищ.

– Быстро ты это понял... Ну что ж, тогда давай сваливать, – сказал я, торопливо надевая брюки. – Пока наши жёнушки с работы не вернулись. Забуримся куда-нибудь, а хочешь, в Кишинёв или в Одессу махнём, ты же теперь на машине.

– Ну да, на тётчиной машине, ты хотел сказать, – поправил меня повеселевший Кондрат, направляясь к наружной двери и распахивая её настежь.

Прошло около года, мы с Кондратом периодически сбегали из своих семей, чтобы развлечься на стороне, пока я после очередного скандала окончательно не ушёл от своей жены, в те же дни оставив работу проводником виноматериалов и вновь устроившись в бар.

– Или я, или бар, – перегородив мне дорогу в туалет, заявила Марта в одно прекрасное утро, когда я сообщил ей о своём решении. – Знай, в тот день когда ты вернешься в бар, я уйду от тебя.

– Тогда поторопись со сборами, – сказал я, отодвигая её в сторону, чтобы пройти. – Это произойдёт не позднее чем завтра.

А через несколько дней мне по какому-то срочному делу просто необходимо было повидать Кондрата, для чего я отправился к нему домой. За год, прошедший с того дня, как они с Ольгой поженились, я был в их квартире не более трёх-четырёх раз. Конечно, Ольга догадывалась, что мы с Кондратом периодически ходим налево вместе, но это было трудно установить, а тем более доказать, так как у преступников (то есть в данном случае у нас), есть тысяча дорог (считай, вариантов), и нас очень трудно было вычислить, к тому же я до самого последнего времени постоянно находился в рейсах как проводник вина, и никогда нельзя было понять, в городе я, или же на работе, то есть в тысячах километров от Молдавии.

Кондрата, когда я к ним пришел, дома не оказалось, но Ольга, уже вернувшаяся с работы и, будучи по домашнему в халате, пригласила меня войти.

– Заходи, сват дорогой, – промурлыкала она, с улыбкой открывая передо мной дверь пошире. – Ты у нас редкий гость.

– Ты понимаешь... всё дела, очень занят я, Олечка, – сказал я разуваясь в прихожей, после чего мы прошли на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.